

**Уважаемый, дорогой Николай Петрович! Сердечно поздравляем Вас с 75-летием!
Примите искреннюю благодарность за Ваше творчество и общественную
подвижническую деятельность на благо русской культуры и Православия!
Желаем Вам оптимизма, любви, тепла и юта, новых идей и их воплощения!**

Николай Петрович Бурляев – народный артист России, снимался в фильмах Андрея Тарковского, Алексея Германа, Сергея Бондарчука и других выдающихся режиссёров. Автор фильма «Лермонтов», в котором выступил как сценарист, режиссёр и исполнитель главной роли. Сыграл роль Иешуа в экранизации романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». На «Беларусьфильме» поставил картину «Всё впереди» по одноимённому роману Василия Белова. В 2003 году он начал работу над 20-серийным документальным кинопроектом «Святая Русь в судьбах её подвижников», сыграл главную роль в биографической драме Натальи Бондарчук «Любовь и правда Фёдора Тютчева». В драме «Адмиралъ» предстал в образе императора Николая II, сыграл роль Александра Толстого в драме «Гоголь». Автор книги «Жизнь в трёх томах. Избранные литературные произведения», автор цикла телепрограмм «Культура с Николаем Бурляевым».

Президент Международного славянского форума искусств, член Патриаршего Совета по культуре, член рабочей группы по культуре Госсовета РФ, член Союза писателей России, академик Международной славянской академии, почётный профессор киноакадемий Сербии и Санкт-Петербурга, академик Российской национальной академии кинематографических искусств и наук, президент Фонда культуры казаков России. Награждён орденами: Александра Невского, Почёта, РПЦ «Славы и чести», «Св. Даниила Московского» (3-й ст.), Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и преподобного Сергия Радонежского (3-й и 2-й ст.). Ордена Сербской ПЦ «Ордена Святого Саввы (1 ст.), «Св. Петра Цетинского». Лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии Югославии.

«НИКОГДА Я НЕ БЫЛ НА БОСФОРЕ...»

Документальная повесть кинематографиста

Рукопись не сгорела. Обнаружилась дневниковая тетрадь, пролежавшая в столе 32 года. Перелистал, воскрешая события тех памятных времён и захотел переплавить их в повесть не отступая от правды. За несколько лет до создания фильма «Лермонтов» родились поэтические строки:

Открыв лицо, пора начать борьбу.
Где сил, отваги взять на дальнюю дорогу?
Вступить за Правду иль остаться у порога?
Но поздно думать. Уж шагнул, иду...

1988 год

Пережил, быть может, самые трудные два года своей судьбы после завершения съёмок «Лермонтова». 10 мая 1986 года на V съезде кинематографистов СССР в Кремле, в присутствии тысячи коллег со всей страны и первых лиц государства – Горбачёва, Рыжкова, Яковлева – был произведён первый выстрел в меня и мою картину. Некий неизвестный молодой критик заявил с кремлёвской

трибуны о том, что фильм «Лермонтов» является позором советского кинематографа. Подвергнутый первый раз в жизни публичной политической порке,ждавшийся перерыва, униженный и оскорблённый, я бежал из Кремля. Спустя несколько дней Сергей Фёдорович Бондарчук, в объединении которого я снял свой фильм и которого серая кинематографическая стая распинала ещё беспощаднее, чем меня, сказал:

– Микола... Ты вот ушёл из Кремля, а я остался. В перерыве подошёл к актрисе Т. и режиссёру М. – (Он назвал имена двух известных кинематографистов). – Они говорили о «Лермонтове». Я спросил: а вы видели фильм?

– Да... – ответила народная артистка СССР. – Коля, такой чудный мальчик, но он так молод...

– А вы знаете, – сказала я ей, – что это первый фильм, который говорит о той силе, которая всем нам жить не даёт...

– Какой силе, Серёжа?..

– Книжки надо читать, – сказал я ей.

Вслед за кремлёвским залпом последовала психическая атака на картину – 22 разгромные статьи в центральной прессе. Как-то утром позвонил маме, которая спросила:

– Ты «Правду» читал?

– Что?.. И там тоже?..

Купил главную газету государства, орган ЦК партии, написавшую о том, что Бурляев идеализирует образ Лермонтова. «А где же “немытая Россия, страна рабов?..”»

Словно по команде все СМИ блокировали десятки положительных рецензий выдающихся деятелей культуры: Сергея Бондарчука, Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова, Арсения Тарковского, Юрия Бондарева, Вадима Кожина, лермонтоведов и профессуры МГУ, единодушно принявших фильм. Так начиналась эпоха «перестройки, демократии и гласности». Вскоре я прочитал в книге о тайных обществах текст, многое мне прояснивший: «Если имя и дело какого-нибудь автора будет нам неудобно, мы будем порочить имя и дело этого автора задолго до того, как о нём узнают люди». Арт-атака СМИ на «Лермонтова» началась за 10 месяцев до выхода фильма на экран.

Прошёл через унижительное «судилище» в Союзе кинематографистов, на котором мой бывший приятель режиссёр Сергей Соловьёв, которому я помогал в создании его дипломного фильма и которому руководство «Мосфильма» не позволило снять его негативную версию жизни Лермонтова, потребовал положить мой фильм на полку. Стая коллег, которых я считал друзьями, яростно требовала, чтобы я перемонтировал, резал, исправлял картину. Я в одиночку сражался за своё детище, но вдруг был поддержан худсоветом «Мосфильма», который, вопреки требованию Союза кинематографистов оценить фильм низшей, третьей категорией, большинством голосов – Гайдай, Натансон и другие (8 против – 4-х) – проголосовали за высшую – первую категорию. Руководитель советского кинопроката Евгений Войтович велел изготовить 1500 кинокопий, распространив их по всему Советскому Союзу. Спасая фильм, я начал ездить по стране с показом «Лермонтова» и встречами со зрителями. Всюду встречал горячий приём. Всюду задавал местным прокатчикам вопрос:

– У вас есть копия фильма?

Все как один отвечали:

– Да, есть.

– Вы показывали фильм людям?

– Да, в кинотеатре на окраине города, утром... Фильм не кассовый... Мы его сняли с экрана...

Добился демонстрации картины в кинотеатрах Москвы, приглашая на просмотр и обсуждение выдающихся деятелей культуры. Одна немолодая, интеллигентная зрительница подходила ко мне в различных залах и сообщала: «Я видела фильм 10 раз!.. 20 раз!.. 50 раз!..» На страстную поклонницу она похожа не была. В малом зале кинотеатра «Россия» удалось добиться ежедневного показа в течение целого месяца, с представлением фильма известными писателями, журналистами, лермонтоведами, учёными, актёрами. За 30 дней выступило 30 человек. На имя Горбачёва в Кремль потоком шли письма, подписанные тысячами зрителей, с требованием показывать этот фильм во всех школах страны.

Разрывая кольцо блокады, попытался лично ответить в печати гонителям «Лермонтова». По договорённости с главным редактором газеты «Водный транспорт» Панюшкиным, осознанно риску-

ющим своей карьерой, ночью, подпольно, втайне от всех сотрудников газеты и типографии (на ночь оставили лишь одного наборщика), мы совершили процесс печати выпуска с двухполосным разворотом моего ответа палачам фильма. Утром я доставил в Госкино пачку номеров газеты, мгновенно разлетевшейся по кабинетам и возымевшей эффект бомбы, разорвавшейся в стане врага. Мой отец, прочитав статью, сказал:

– Да ведь это ответ князя Курбского Грозному!

Главного редактора газеты мгновенно вызвали «на ковёр» в ЦК партии.

Моё имя было под явным запретом на всех центральных телеканалах. Журналистов, посмеявшихся выпустить в эфир положительные интервью с Бурляевым, вытесняли с каналов. На предложение депутата Верховного Совета Сергея Бабурина руководителю главного телеканала показать «Лермонтова» в день его рождения, был получен ответ-вопрос: «У вас что... есть те, кто поддерживает этот фильм?»

Мама друга моего детства Никиты Михалкова – Наталья Петровна Кончаловская, просмотрев фильм на даче, с любовью глядя мои руки и голову, сказала:

– Вот какой ты стал, Коленька... Держись... Ведь они тебе завидуют...

Мой новый сценарий фильма о Пушкине без объяснений был отвергнут Госкино СССР.

«Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю». Как прав был Пушкин. Стойко перенося все удары, я не терял теплящегося в душе боевого упоения и радости, понимая, что Правда со временем победит.

Заповедано мне петь весь свой век: / На Руси рождён счастливый человек.

Сердцем петь про радость, Правду и Свет – / На земле прекрасней участи нет.

Кровь кипит, пылает мозг – я пою! / Я разжёл в душе пожар – в нём сгорю!

Под конец я жизнь до смерти люблю! / Под душою, как под ношей, упаду.

В горле Русь клокочет – отворю, / Захлебнусь любовью-болью, но спою:

Смерть – не в землю нисхожденье и не тление! / Бесконечное движенье, возрождение!

Спустя два года гонений и репрессий раздался звонок из иностранного отдела Госкино:

– Ваш фильм «Лермонтов» отобран турками на Стамбульский международный кинофестиваль.

Не поверил своим ушам... Целый месяц жил с ощущением, что этому невероятному событию кто-то не даст воплотиться в жизнь. Однако...

12 апреля 1988 года. В Госкино получил (словно руководитель делегации) документы, билеты, напутствие и валюту (по 17 фунтов): мне, кинорежиссёру Тенгизу Абуладзе, кинокритику Валентине Ивановой. Довёз Абуладзе до гостиницы, чтобы на утро забрать его в аэропорт.

Прощаясь, Тенгиз Евгеньевич сказал:

– Я рад, что ваша картина едет на конкурс.

– А вы видели фильм?

– Ещё нет. Посмотрю в Стамбуле.

– И я рад, что мы летим вместе. Не знаю, читали ли вы ложное заявление критика Кичина о том, что Бурляев бросал камни в создателя «Покаяния». Я написал опровержение...

– А стоило ли писать?.. – улыбнулся Абуладзе.

13 апреля

Утром по пути в аэропорт мы мило беседовали, начиная притираться друг к другу. Говорили о моей дочери и его внучке, родившихся едва ли не в один день... о модной практике «плавать раньше, чем ходить»... о причинах боли в сердце... о его «Покаянии» и моём «Лермонтове». В аэропорту соединились с критиком Валентиной Ивановой, не торопясь попили чай. Все формальности прошли спокойно, обыденно, устало – все мы мало спали в эту ночь. Занеся ногу на борт самолёта, глядя в опрятную спину впереди идущего Абуладзе, я настолько возликовал сердцем, что готов был чмокнуть его в спину от избытка любви и к нему, и ко всему вокруг.

*Судьбы моей печали / Остались за спиной,
И сердце зазвучало / Гармонией земной / И обрело покой.*

*Пришло освобождение. / Дух крылья развернёт,
Свершит предназначение! / Какое упоение – / Над бурями полёт!*

Свершилось! Дождь! Дожил! Лечу с опальным «Лермонтовым» на международный кинофестиваль. Я знал, что так будет, ещё делая свой фильм, предчувствовал его судьбу – фестивали, поездки, жизнь «Лермонтова» «в людях». Всё идёт по плану Всевышнего. Сидя за моей спиной, Валентина Иванова объясняла соседям – русской даме и турку, указывая пальцем в мою сторону:

– Николай Бурляев! «Лермонтов», «Иваново детство», «Андрей Рублёв»!..

– Ах, я так и думала, – воскликнула соседка.

– «Покаяние» вне конкурса, – продолжала Валентина журналистскую суету, – и фильмы Тарковского и Панфилова.

Не скрою, мне было приятно слышать, в каком обрамлении будет подан туркам мой «Лермонтов».

Решил подремать. Закрыл глаза и вспомнил недавнее посещение дома Ильи Глазунова, показ моего фильма ему, писателю Солоухину и журналисту из либерального «Огонька», почему-то состоящего в «друзьях» хозяина. Илья Сергеевич, говоривший поначалу о том, что он торопится и мы скоро простимся, не отпускал нас с 18 до часа ночи. Пять часов они с Солоухиным бомбардировали меня своими конспирологическими и монархическими концепциями. Илья Сергеевич говорил настолько азартно и плотно, что вставить слово было сложно. Когда Солоухин вдруг изрёк, «окая» в адрес Лермонтова: «Да ведь он же был плохой человек...», я не выдержал и резко парировал: «Ну вот, и вы туда же!» Постарался объяснить классику советской литературы, насколько Лермонтов был светлый, бесстрашный и любящий человек.

Илья Сергеевич ожесточённо ругал кинематографистов – Андрея Тарковского, Элема Климова и прочих, обвиняя их в русофобии. Говорил, что и я в «Лермонтове» не избежал их влияния.

– Но, как огоньки, у вас мерцают чувства истинной любви к России. За это они вас и ненавидят. Вы нарушили их законы.

Мои коллеги выражали и здравые суждения, но столь категоричную тональность, сдобренную нецензурными выражениями, я переносил с трудом, пытаясь сохранять внешнее спокойствие, не вступал в спор на глазах у недруга из «Огонька». Однако не удержался и спросил у него:

– Я читал ваше интервью с Элемом Климовым. Как понимать реплику Элема: «С “Лермонтовым” мы уже разобрались».

– Климов сказал это в негативном плане, – сверкнул с готовностью «Огонёк».

Когда хозяин достал папку с вензелем и росписью Николая и поцеловал её, я спросил:

– Что ж, руки будем целовать Николаю за то, что он дважды ссылал Лермонтова под пули на Кавказ?

Ответа не последовало. Я разглядывал стены, увешанные бесценными иконами, и думал: зачем ему столько икон, на чёрный день, что ли. Спустя тридцать лет я успел вручить Илье Сергеевичу, перед его уходом из жизни, главную награду Славянского форума изобразительных искусств «Золотой Витязь», золотую медаль имени Александра Иванова «За выдающийся вклад в создание Российской Академии живописи, ваяния и зодчества». Ныне, посетив, наконец, созданный И. С. Глазуновым музей, наполненный теми самыми изумительными иконами, я признался себе, что был не прав в своих грешных мыслях. Да и по поводу образа императора Николая, созданного в моём фильме Марисом Лиепой, он во многом был прав. Сейчас я бы подал императора в ином, менее гротесковом плане. Но тогда... – мне, державшему оборону от всего мира, было тяжело переносить «бросание бешенное камней». Тем более со стороны единомышленников.

– Вы слишком иронично показали царя, – атаковал хозяин. – Это советский фильм. Если бы мы жили в то время, я бы вызвал вас на дуэль и убил. Вы оскорбили честь государя императора... Но я готов всюду голосовать за ваш фильм обеими руками!

– Зачем же голосовать за фильм, если вы не принимаете картину? – спросил я хозяина.

– Вы талант! – вдруг воскликнул Илья Сергеевич. – Вы единственный кинорежиссёр, посмевавшийся ныне говорить о России не черня её. Если вы и дальше будете снимать в нужном русле, то и я и многие вас поддержат.

Расставаясь, хозяин сказал, что у него много интересных книг, дал мне свой телефон и пригласил непременно прийти к нему после Турции.

* * *

Милая, грациозная стюардесса, подавая мне завтрак, задержалась, наклонилась к уху и прошептала:

- Кроме вас, я никого не знаю. Есть ли с вами ещё артисты?
- Здесь известный кинорежиссёр, автор «Покаяния» Тенгиз Абуладзе. Знаете такого?
- Ну как же, – ахнула девица. – А где же он?
- Вон – с краю, седой.

В аэропорту нас встречали советский консул, представители ТАСС и «Сов-экспорт-фильма» Виктор Маленкин. Поселили нас в лучшем, пятизвёздочном отеле «Marmara», возвышающимся над всем Стамбулом, где поджидающий нас переводчик раздал нам по конверту с аккредитацией на фестиваль, кучей приглашений на приёмы и 60 000 лир на расходы. Жить стало лучше, жить стало веселей. Развернул буклет фестиваля, из которого узнал, что из 160 фильмов в конкурсе участвует всего 16. Начал листать с конца: и Тарковский, и Абуладзе, и Панфилов, и все звёзды мирового кинематографа, а на первой странице – мой опальный «Лермонтов», за которым черед фильмов Франции, Англии, Австралии, Испании, Японии, Канады, Швеции, Китая, Венгрии, Чехословакии, Турции, Югославии, Польши и Сирии. Абуладзе и Иванова ахнули, прочитав, что председатель жюри Элиа Казан. Переводчик сказал, что на днях сюда придут классики мирового кинематографа Иштван Сабо и Миклош Янчо. И самое главное то, что «Лермонтов» будет показан после завтра четыре сеанса подряд (в 12, 15, 18.30 и в 21 час) и что в этот же день я принимаю участие в пресс-конференции вместе с Иштваном Сабо, Стивом Грубером, Майклом Редфордом и французом Жаном-Шарлем Такелла. Переводчик оповестил, что вокруг имени Абуладзе развернулся сенсационный скандал: цензурный комитет Турции запретил показ его фильма «Мольба», и вчера прошла демонстрация протеста, организованная творческой интеллигенцией Стамбула, а это в стране с чрезвычайным положением категорически запрещено. Председатель жюри Элиа Казан на своей пресс-конференции тоже заявил протест, да и дирекция фестиваля получила множество протестных телеграмм. Переводчик сообщил, что лучшему конкурсному фильму будет присуждена премия 1 000 000 лир, что равняется 72 000 долларов. В составе жюри кроме Элиа Казана генеральный секретарь ФИПРЕСИ, кинокритик из ФРГ Клаус Эдер, президент Сан-Францисского кинофестиваля Джордж Ганд, французский продюсер Жак де Глоу, французская киноактриса Катрин Вилкининг, английский кинокритик Дон Ранвуд, венгерский кинорежиссёр Петер Бачо и турецкий режиссёр Эрден Кирал. В Стамбул прибыли руководители 15 международных кинофестивалей со всего мира.

14 апреля

«Никогда я не был на Босфоре», – сожалел Есенин. А мне вот – довелось. Начались ежедневные мытарства по кругам фестивального горнила. Отсидел приём, устроенный турецким телевидением для участников фестиваля, в нескольких залах, на двух этажах Белого дворца султана. Подобные тусовки переношу с трудом: вымученная (во всяком случае для меня) болтовня ни о чём на чужом языке, фальшивые улыбки и поддакивания там, где ни хрена не понимаешь:

– О, yes!.. О, yes!.. – улыбался я своим сотрапезникам: вице-президенту турецкого телевидения Шехир Карабол, её мужу и какому-то кубинцу. Мадам охала: «О, Лермонтов!.. Ваш показ послезавтра!.. Я обязательно приду!.. Может быть, мы купим ваш фильм для турецкого телевидения...»

Мимо нашего стола сновали знакомые по экрану заграничные кинодивы. Все вокруг скучали, болтали, жевали, курили, стреляли глазками... Переводчик сообщил мне новость:

– 72 000 долларов – приз для лучшего турецкого фильма. Иностранцам – Гран-при «Золотой тюльпан» и призы жюри...

С трудом отсидев положенные два часа, отведав «восточных слабостей», откланялся и поехал с Виктором в отель через весь ночной «Царь-град», над Босфором и Мраморным морем.

15 апреля

Поскольку на выданные лиры я должен питаться сам, пришлось наесться с роскошного «пятизвёздочного» шведского стола, но много ли может принять человеческая утроба. Следующая подкормка лишь поздно вечером во французском консульстве.

Впервые в одиночестве побродил по главной улочке Стамбула, на которой и наш отель, и все фестивальные кинотеатры. Присмотрелся к ценам на товары со всего мира: от «Диора» до «Сони». Побалдел от красоты детских платьиц и одежонок, повздыхал от осознания того, что рядом со мной идёт и моя бедность.

Посидели около часа с Абуладзе в моём номере, поговорили... Хотел напоить его чаем: совал, совал свой кипятильник во все розетки, но стамбульская электросеть не желала подавать ток в советский кипятильник. Подарил Абуладзе сборник «Поэзия-85» с подборкой моих стихов, которую он тут же прочёл и в присущей ему сдержанной манере высказал своё одобрение. Он сообщил, что в жюри его приятель – венгр Петер Бачо. Сказал, что может с ним поговорить о моём фильме. Как ни было приятно беседовать со столь интеллигентным собеседником, решил пойти посмотреть конкурсный чешский фильм, дабы узнать уровень конкурентов.

Картина оказалась традиционно-болтливой и лживой киноверсией жизни чешского композитора начала XX века. Без сожаления сбежал в антракте, поняв, что в сравнении с этой вялой жвачкой мой «Лермонтов» значительно выигрывает.

Подошёл к мечети на голос муллы. Едва ступил на порог, сидящий у входа и поющий в микрофон мулла отрицательно махнул мне рукой: «Нельзя!» Я извинился и остался за мраморным порогом. Мулла что-то громко крикнул служителю в лавке, и тот жестом объяснил мне, что я могу зайти внутрь, сняв обувь.

На пресс-конференцию Абуладзе набилось человек 150, стояли, толпясь в проходах. Первой выступила Валентина Иванова, наговорив несуразной ерунды, поразив меня непониманием того, где она находится и что интересно, а что нет в данном месте. Говорила, словно на «летучке» в своей «Советской культуре». То и дело посматривала в мою сторону и похвалила С. Ф. Бондарчука, выказав опасение, «как бы одна мафия в советском кино не сменила другую».

Абуладзе говорил в традициях грузинского тоста – с юмором и грацией, образно и обаятельно, но его весьма искажали переводчики. Пауза между каждой его фразой тянулась непомерно долго: пока переводчики, споря и дискутируя между собой, переводили с турецкого на английский и на французский. На вопрос об отношении к запрету цензурным комитетом показа его «Мольбы» он ответил прекрасно:

– Мне говорили, что одна из «запретителей» – очень милая и красивая актриса, и что он согласен с Шекспиром, изрёкшим: «Ты так прекрасна, что я готов умереть от твоей руки!»

Его ответ вызвал восторг собравшихся.

А потом на пороге французского консульства нас радушно встретили консул и атташе по культуре, и началась трёхчасовая толкучка – с улыбками, жеванием и стрелянием глаз. Половину срока изнывал и томился в уединении. Вторая половина тусовки прошла интенсивнее: узнав о присутствии на приёме автора «Лермонтова», ко мне выстроилась целая череда кинематографистов и журналистов. Многие, открывая факт моего причастия к фильмам великого Тарковского и «Военно-полевому роману», взвизгивали и восторгались. Долго не отлипал от меня член жюри, сопредседатель правления Minisota Nors Stars, президент Сан-Францисского кинофестиваля Джордж Ганд. Говорил о своём положительном впечатлении о моём «Лермонтове», о том, что этот фильм непременно нужно показать в Америке. Его поддерживали Рональд Холowej, снявший фильм об Элеме Климове, и какая-то журналистка. Джордж написал в мою тетрадь следующие слова: «Поздравляю с созданием выдающегося и столь прекрасного фильма о великом русском поэте Лермонтове. Вы преуспели как исполнитель главной роли и имели успех как режиссёр. Ваша игра излучала жизнь, настроение великого поэта, которым все мы восхищаемся. Я лично наслаждался встречами с вами в Стамбуле и надеюсь, что когда-нибудь мы сможем встретиться вновь в Сан-Франциско. Мои лучшие пожелания успеха в вашей дальнейшей карьере в кинематографе как режиссёра, сценариста и актёра».

Нашу беседу прервал советский консул, сказал, что Абуладзе хочет познакомить меня с министром кинематографии Венгрии, режиссёром-классиком Иштваном Сабо, с членом жюри венгерским режис-

сёром Петером Бачо и с румынским киноклассиком Попеску Гопо. Довольно долго беседовал с ещё одним членом жюри, генсеком ФИПРЕСИ, высокорослым немцем Клаусом Эдером, которому тоже понравился мой фильм по сути и по изобразительной части – прекрасно снятому Кавказу и России.

– На какой плёнке вы снимали?

– На «Кодаке», который нам предоставил через господина Шамье телеканал ФРГ ZDF.

– Я знаю его, – сказал Клаус, – я тоже из ФРГ.

Вскоре Клауса оттеснила от меня группа молодых китайцев в авангарде с режиссёром Занг Зе Мингом и представительницей кинопроката Зоу Ке Мей. Они буквально визжали и подпрыгивали, узнавая названия моих фильмов. Их раскосые глаза округлялись до размера советского рубля.

Уводил Абуладзе с приёма весьма повеселевшим, одним из последних. У подъезда он спросил:

– У меня, кажется, что-то было в руке?.. Ах, да, стакан.

Он решил, что нужно продолжить наше общение в доме у консула Александра. За чаем с оладьями он рассказывал, как продавали американцам его «Покаяние», как Яковлев сократил прокат фильма с 1000 до 500 копий и как многие регионы страны отказались прокатывать его фильм.

15 апреля

За окнами дождь. Босфор в тумане, а на душе томительно-радостное состояние готовности к новым битвам. Полночи репетировал в уме предстоящую пресс-конференцию, готовый говорить как всегда открыто.

В зал вошёл, когда все участники пресс-конференции уже собрались. За стол президиума посадили режиссёров трёх стран: Франция – Жан-Шарль Таккелла, Венгрия – Иштван Сабо, от СССР – я. Мне первому почему-то и предоставили слово. Сказал, что благодарю за приглашение моего «Лермонтова» на конкурс, что приехал не за премией и, если не будет никакого поощрения, уеду удовлетворённым, ибо познакомился с новой для меня страной, которую познакомил со своим фильмом. Рассказал о создании картины, о критике и восприятии фильма народом. После меня кратко высказались Сабо и Таккелла, и начались вопросы. Первый – ко мне с просьбой рассказать о личности Лермонтова и прочитав его стихи. Спросили о Тарковском. После пресс-конференции дал интервью для журнала о кино, о котором попросил меня молодой турецкий режиссёр Семир, обучавшийся во ВГИКе у Наумова. Заострённый и белый, едва не альбинос, он был настолько светел, что я мысленно назвал его «белым турком». После откровенного интервью журналист признался, что ничего подобного в их журнале ещё не было.

В 15 часов состоялся показ «Лермонтова» в кинотеатре «Дуния». При входе директор кинотеатра взволнованно сказала, что зрителей очень много. Как обещал, пришёл и Тенгиз Абуладзе, в сопровождении турецких грузин, укормивших его роскошным обедом. Его поступок я расценил как подвиг интеллигентного человека. 800-местный зал был заполнен на треть, что в дневное время считалось аншлагом, при стоимости билета в 2000 лир.

Моё появление на сцене встретили радушно, а когда я в завершение свой речи сказал по-турецки «я желаю радости вам и счастья вашим детям», зрительный зал взорвался аплодисментами. Остался смотреть картину, сев рядом с Абуладзе. Каждый раз смотрю свой фильм глазами данной аудитории, а теперь и глазами Абуладзе... Смотреть было тяжело: фонограмма звучит еле-еле, переводчик, читая английские субтитры, что-то невнятно бормотал по-турецки... После шестой части просмотр прервали на положенный у турок антракт и перекур. Меня окружили зрители, выражали своё доброе отношение, пожимали руки, просили автограф. По окончании фильма все зрители, включая Абуладзе, аплодировали дружно и продолжительно. А где-то в Стамбуле в этот момент заседало жюри и решалось распределение наград. Будь что будет – всё приму с благодарностью.

Зайдя в зал на второй показ в 18.30, не поверил глазам – зал забит до отказа. Эти зрители встретили меня ещё более радушно. Аплодировали громко, дружно, долго.

– Перед вами счастливый человек, – начал я свою речь, – и снова овация.

В этот раз говорил дольше, но зал слушал с неослабевающим вниманием, в полной тишине. Когда я с трудом дочитал по бумажке своё турецкое приветствие зрителям и их детям, восторг зала был неопишем, овация не смолкала, пока я шёл через весь зал к выходу: люди махали мне, пожимали руки, кто-то по-русски сказал «спасибо», видимо эмигранты... При выходе из зала меня крепко обнял наш сияющий консул Александр Прищепов:

– Великолепно, Николай! Великолепно!

Эта встреча действительно превзошла все мои ожидания – празднично, сердечно, идеально.

В том же парке над Босфором, в котором я уже бывал, но теперь в Жёлтом дворце султана, был приём участников кинофестиваля, организованный мэром Стамбула Бедреттином Даланом. Зная, что решение о наградах уже принято, я выискивал глазами знакомых членов жюри... Вот Петер Бачо... Издали поздоровались кивком головы, и на челе его невысоком не отразилось ничего. «Значит – премии нет», – подумал я. Вторым я заметил президента ФИПРЕСИ Клауса Эдера. Тепло, как и вчера, поздоровались за руку. Переводчик Мехмед спросил его:

– Вы немец?

– Да, к сожалению, – вздохнул Клаус.

– Почему к сожалению? – спросил я. – А Гёте, Бах, Бетховен, Шиллер?..

А вот и третий член жюри – американец Джордж Ганд. Обрадовался ему как родному, задал прямой вопрос:

– Скажите мне, чтобы я спал спокойно – моему фильму не дали премию?

Понять, что он мне бубнит на гортанно американо-хоккейном сленге, я не смог.

Мы стояли втроём с Гандом и Абуладзе, когда я увидел, что именно к нам через весь зал, следуя за идущим перед ней представительным человеком, стремительно приближается телекамера с ярко освещённой на ней лампой. Человек протянул мне руку и сказал:

– Я мэр Стамбула.

– А я советский актёр и режиссёр.

– Вы из Москвы?

– Да.

– Вы знаете моего друга мэра Москвы Сайкина?

– Нет.

Немереное количество камер, окружавших нас, толкали друг друга, вспыхивали и трещали как в хронике о кинозвездах. Я извлёк из пакета расписные русские подарки: палехский поднос, матрёшку, деревянную ложку и вручил мэру.

– О, я знаю это! – воскликнул хозяин города и начал профессионально, явно на публику, извлекать матрёшки одну за другой.

В отель возвращались в звёздном автобусе: Тенгиз Абуладзе, Иштван Сабо, Попеску Гопо, у которого оказалась русская мать. Французские актрисы, сидевшие за моей спиной, почему-то робея, шептались: «Это русский актёр... Тарковский... “Lanfans de Ivan”, “Andre Rublev”». Подбехав к отелю, несмотря на усталость, решил проверить заполненность зала на последнем просмотре в кинотеатре «Дуния». Заполнено больше половины мест, сидят тихо. Увидел знакомого «белого турка» Семира, сидящего у прохода и утирающего слёзы. Он бросился ко мне, поцеловал в щёку, сказал:

– Я не могу наглядеться на этот фильм.

Усадил рядом с собой. Уйти уже было неудобно: все сидели не шелохнувшись, никто не покидал зал. Звук подавался громко, на турецкий не переводили. Пришлось дожидаться финала. Из зала выходили с Семиром. Возможно, ради таких мгновений стоило, несмотря на усталость, прийти сюда. Узнав, что герой фильма здесь, ко мне стали подходить зрители, кто руку пожмёт, кто поцелует трижды, кто по-русски поблагодарит, кто по-английски, кто по-турецки. Все взволнованны, растроганны, кто-то признался, что даже плакал. Подошло множество молодых людей, желали успеха, победы, счастья...

Поскольку завтрак был давно переварен, а на приёме у мэра поесть не удалось, принял приглашение перекусить с Семиром и его приятелем журналистом. Растроганный Семир сказал:

– Если я больше никогда не увижу Россию, я хотел бы перед смертью ещё раз увидеть этот фильм.

Он рассказал, что доведён здесь до крайности, что, возвратившись из СССР, у него конфисковали все вещи, книги, заточили в тюрьму вместе с четырёхлетним сыном. А когда он возвращался в камеру, обессиленный допросами и пытками током, его малыш целовал ему руки, успокаивал, уверяя, что всё будет хорошо. Предлагал рассказать на ночь папе сказочку.

*Когда не признан и гоним / Останешься один –
Не презирай и не кляни, / Но веру сохрани.*

*Не виноват жестокий брат, / И ты не виноват,
Что мира вам не обрести / И душу не спасти.*

*С рожденья сердцу суждена / Добра со злом война.
Другого нет у нас пути / Лицо своё найти.*

*Найдя его, не отступить. / Самим собою быть.
Покой хранить, добро творить, / Всё сущее любить.*

*Но даже те, кем обретён / Свет Истины простой,
Ввысь поднимаются с трудом / И каждый миг их – бой!*

*Но тот, кто жил, тот сделал шаг / Под солнцем в небесах.
И Свет, за краткий жизни миг, / Лучом во всех проник.*

16 апреля

Утром после сытного завтрака (пятизвёздочных – навалом, ешь – не хочу, желудок мал) нас с Абуладзе, Ивановой и звёздной компанией на двух автобусах повезли на экскурсию по Стамбулу. Заповедная зона – византийские сооружения, дворец султана, равный значением нашему Кремлю. И я, обманутый надеждой на тёплую турецкую погоду, и все звёзды, одевшиеся столь же легкомысленно, продрогли до костей на стамбульских ветрах и каменных плитах дворца. Поспав ночью всего три часа, смертельно усталый, я брёл в стаде киногениев со всего мира и думал: скорей бы в отель. Особый восторг и двусмысленные улыбочки киноэлиты вызвало посещение гарема султана и информация о том, что у него было более сотни жён и одалисок, танцевавших перед падишахом и его малыми наследниками обнажёнными, но с прикрытыми лицами. Побаловали нас и театрализованным представлением – танцевальным шествием, исполненным военным оркестром, разодетым в костюмы воинов XIX века, с кривыми ятаганами на боку. Ко мне то и дело подходили кинематографисты разных стран с выражением восхищения моим фильмом. Австрийский кинокритик Отто Рейтер сказал, что непременно напишет о фильме в венском журнале и пришлёт мне статью. Одна полячка с досадой сказала:

– Мы все думали, что ваш фильм получит главную премию, но дали французу..

Эту новость принял совершенно спокойно, никак не нарушив душевного равновесия.

Прогуливаясь об руку с Абуладзе, налаживая всё более тесный контакт, мы говорили обо всём спектре проблем: от политики до секса. Он от души хохотал над моим рассказом об отце, который каждое утро просыпался в 6 часов под звуки гимна из репродуктора и тяжело вздыхал: «Эх, ё.....» Да и засыпал он после работы с этим же вздохом. Абуладзе был в восторге:

– Гениальный образ!.. Вы позволите мне снять это в моей новой картине?..

Добравшись наконец до отеля, принял пенную ванну и рухнул в постель на часовую передышку. На душе было светло, хотя и «без-призёрно».

*За славу, блага грех служить. / Не для себя молю
Я Бога сердце озарить, / Помочь мне душу воплотить – / Я славы не люблю.*

*Молю: для тех, в ком веры нет, / Зажечь во тьме звезду.
Среди распада, мрака, бед / Да будут – радость, вера, Свет! / За это в бой иду.*

*Когда ж придётся пожинать / Хвалу и лесть – молю:
Минует самости напасть, / Чтоб от гордыни не пропасть... / Я славы не люблю.*

Хорошо отдохнув, облачился в белый костюм, голубые носки и галстук от «Диора». Пусть видят, что я и без приза – хорош.

Торжественная церемония закрытия фестиваля проходила в истинно царском зале с высоченными, как в Большом театре, потолками и лепниной, обрамляющей сцену, сплошь заставленную цепью корзин с цветами и венками на постаментах в человеческий рост. В переполненном зале мы не стали искать кресел со своими именами, устроившись в свободном третьем ряду. Дальше – всё, как положено: ведущие в вечерних нарядах, стоя за попитрами, оповестили, что 160 фильмов в семи кинотеатрах посмотрели за две недели 150 000 зрителей, что в зале присутствует свыше ста кинознаменитостей со всего мира. Начали называть по именам, и каждый поднимался в зале, высвеченный мощным прожектором. Одним из первых был назван «создатель фильма “Лермонтов”, советский кинорежиссёр и актёр Н. Б.» Я стремительно встал, повернулся к залу и высоко поднял обе руки, получив в ответ гром аплодисментов. Впрочем, щедро аплодировали всем. Потом назвали Тенгиза Абуладзе, и он поднялся под шквал рукоплесканий. Пригласили на сцену жюри. Последним, с особой помпой, расписывая гениальность обладателя «Оскара», работавшего с Марлоном Брандо, Лайзой Минелли и прочими дивами, представили председателя – американца Элиа Казана, оказавшегося 80-летним турецким евреем, похожим на моего старого соседа Илью Абрамыча. Илья Казан по-братски вручил весьма красивый «Золотой тюльпан» французу Таккелла (некогда обласканному «Оскаром»), очень похожему на самого Казана: стоя рядышком, они выглядели, словно два родных брата.

Я щедро аплодировал всем призёрам. На выходе из зала ко мне подошёл импозантный, интеллигентный человек и сказал по-английски:

– Ваш фильм – лучший на фестивале. Вы великолепный режиссёр и актёр.

Это неожиданное, искреннее признание, сказанное на ходу, прозвучало приятным завершающим аккордом.

17 апреля

Много наслышанный о соборе Святой Софии, я не ожидал больших потрясений: ну, собор и собор, немало я их видел и в России и за рубежом. Но, вступив под его гигантские, просторные своды, невольно ахнул. Охваченный чувством восторга, дух мой вознёсся под высоченный купол. Гений зодчего создал неповторимое сооружение, не подавляющее, но окрыляющее человека. Тончайшая мозаика стен, похожая на живописную роспись, золотой фон которых излучал свет и радость. Как возможно было создать это чудо всего за четыре года? На украшение главного храма Православного мира Византия пожертвовала 600 центнеров золота. Чего только не видела эта Босфорская святыня за два тысячелетия: землетрясения, войны, нашествия... столкновения народов – греки, крестоносцы, русские, белая эмиграция, турки, взявшие Православную святыню в полон, окружив её с четырёх сторон штыками минаретов. Всё прекрасно в соборе Святой Софии, по-прежнему увенчанной гениальной по мастерству божественной мозаикой Богородицы с Младенцем.

Вечером на творческой встрече в советском консульстве откровенно говорил не только я, но и Абуладзе, и Иванова. Мы, словно подзадоривая друг друга, вводили в явный шок дипломатов и их жён, описывая анархию, царящую в нынешнем «перестраивающемся» советском бытии. Не ожидал, что окажусь в одном строю с Абуладзе, вознесённым на пьедестал нынешним руководством Союза кинематографистов, и Ивановой, которая поначалу воспевала их, но теперь поменяла своё отношение.

Перед сном пощёлкал по турецким, американским, немецким, французским, люксембургским телеканалам: всюду та же цветастая сексодрянь, которая стала внедряться и у нас в России.

18 апреля

Утром дружной компанией (с Абуладзе, Ивановой и сопровождающей дамой) направились добывать последние фунты на знаменитый стамбульский крытый рынок «Тапалы Чарши» – ГУМ, помноженный на сто крат по экзотике и наличию товаров. Древние каменные сводчатые расписные стены, искривлённые пересекающиеся лабиринты торговых рядов, тянущиеся до бесконечности. Праздник

ремесленного творчества: золото и серебро в несметном количестве, камни, медная и фарфоровая утварь, кожаные изделия изысканного покроя, товары всех стран мира. И никакой толкучки – чистота и культура торговли: даже чай поднесут в ожидании подгонки покупки.

Вечером нас пригласил на ужин знаменитый писатель, драматург, президент турецкого театрального общества Юнеско и руководитель крупной фирмы «Фора-корпорейшен» Рефик Эрдуран. Устав за эти суетные дни от общения, я пытался отказаться, но Абуладзе уговорил меня, о чём я потом не пожалел. Господин Эрдуран оказался обаятельным, открытым человеком. Рассказал, как в 1955 году он выкрал из турецкой тюрьмы знаменитого Назыма Хикмета и переправил его за границу. Но самое главное, он предложил Абуладзе и мне снять наши будущие фильмы в Турции. Он сказал, что его корпорация имеет достаточно средств для осуществления больших кинопроектов, может оплачивать любые услуги в любой стране мира, в любой валюте. Сказал, что у него серьёзная поддержка правительства, прессы, министерств иностранных дел, культуры и финансов, готовых оказать полную поддержку его проектам. Сказал, что у нас, режиссёров, будет полная свобода в выборе съёмочного коллектива и любой темы, пусть даже не относящейся к Турции. Главное – побыстрее начать и создать фильмы на европейском уровне, способные конкурировать на международных кинофестивалях.

На это фантастическое предложение мы оба ответили принципиальным согласием. На вопрос «есть ли у вас какие-то проекты», я ответил, что сегодня меня интересует две темы. Первая – фильм о Пушкине, который должен целиком сниматься в России. Вторая тема – фильм об Иисусе Христе, основанный на четырёх Евангелиях. Эта картина может быть целиком отснята в юго-восточной части Турции, в Каппадокии, имеющей адекватную временам жизни Христа натуру, с возможной достройкой там необходимых декораций.

Условились, что Эрдуран незамедлительно направит соответствующие письма в Госкино СССР и «Грузию-фильм».

В этот вечер наконец узнал, как мой «Лермонтов» попал в Турцию. Директор по международным связям фестиваля критик Веджи Саяр, обаятельный, респектабельный бородач, запросил в Госкино список и кассеты картин, тематически подходящих для Стамбульского фестиваля. Выбрал только «Лермонтова» и пригласил автора.

19 апреля

И пришёл последний вечер на Босфоре. Провёл его в тёплой компании с моим «белым турком» Семиром и его друзьями. Сидя в уютном ресторанчике на побережье, мы душевно беседовали, слушали ненавязчивые импровизации гитариста, разглядывая огоньки на противоположной стороне Босфора: ну чем не Ялта? Было настолько хорошо, что спел три песни под электрогитару, вызвав восторг немногочисленных посетителей ресторана и признание гитариста в том, что он видел меня лет 20 назад в «Ивановом детстве», что он любит меня и счастлив увидеть живым. Как говорил мой отец: «Целуй, пока тёпленький!» В последнем своём тосте я сказал, что очень ждал этой поездки в Стамбул. Уезжаю без приза, но удовлетворённый. Я открыл новую страну, новых друзей. Показал в Турции моего «Лермонтова» и встретил сердечный приём. Мои молодые друзья сказали, что они благодарны мне за встречу, счастливы, что я оправдал их веру в русского человека. На прощание я прочитал прекрасно говорящему по-русски Семиру свои стихи:

*О радости спою для вас. / На свет рождаются друзьями:
Одна на всех Земля под нами / И небо общее у нас.*

*Живите, радостью дыша. / Да будут радостны деянья,
Светлы и встречи и прощанья, / Благожелательна душа.*

*Да охраняет радость вас, / Не покидает вас удача.
У всех людей – одна задача / И вечность общая у нас.*

Стамбул – Москва, 1988–2020 годы

